

ДАЛЕКИЙ ВЕК:

Иван Грозный. Борис Годунов. Ермак

Исторические повествования

<http://www.bibliotekar.ru/polk-10/50.htm>

БОРИС ГОДУНОВ

ГРИГОРИЙ ОТРЕПЬЕВ

История самозванца, принявшего имя царевича Дмитрия, принадлежит к числу самых драматических эпизодов своего времени.

Избрание Бориса не положило конец боярским интригам. Сначала знать пыталась противопоставить Годунову хана Симеона, позже — самозваного Дмитрия. Полузабытого царевича вспомнили на другой день после кончины царя Федора. Прокравшиеся в Смоленск литовские лазутчики слышали о нем много удивительного. Одни толковали, будто Дмитрий жив и прислал им письмо, другие — будто Борис велел убить Дмитрия, а потом стал держать при себе его двойника с таким расчетом: если самому не удастся завладеть тронem, он выдвинет лжецаревича, чтобы забрать корону его руками.

Небылицы сочиняли враги Годунова. Они старательно чернили нового царя, а его противников, бояр Романовых, превозносили. Передавали, что старший из братьев Романовых открыто обвинил Бориса в убийстве двух сыновей Грозного и пытался собственноручно покарать злодея.

Всем этим толкам невозможно верить. Слишком много в них несообразностей. Но они помогают установить, кто оживил призрак Дмитрия. То были круги, близкие к Романовым.

После коронации нового царя рассказы о самозванце заглохли сами собой. Но вскоре Борис тяжело заболел. Борьба за трон казалась неизбежной, и призрак Дмитрия воскрес вторично. Три года спустя таинственная и неуловимая тень обрела плоть: в пределах

Польско-Литовского государства появился человек, назвавшийся именем погибшего царевича.

В России объявили, что под личиной Дмитрия скрывается беглый чернец Чудова монастыря Гришка Отрепьев. Может быть, московские власти назвали первое попавшееся имя? Нет, это не так. Поначалу они считали самозванца безвестным вором и баламутом и, лишь проведя тщательное расследование, установили его имя. Доказать тождество Гришки и лжецаревича с полной неопровержимостью власти, конечно, не могли. Но они собрали подробные сведения о похождениях реального Отрепьева, опираясь на показания его матери, дяди и прочих родственников-галичан. Дядя Григория, Смирной-Отрепьев, оказался самым толковым свидетелем, и царь Борис послал его в Польшу для обличения племянника.

Мелкий галицкий дворянин Юрий Богданович Отрепьев, в монашестве инок Григорий, постригся в одном из русских монастырей, после чего сбежал в Литву. На этих решающих событиях его жизни царская канцелярия и сосредоточила все свое внимание. Почему же ее высказывания насчет беглого монаха полны противоречий? Как объяснить многочисленные неувязки в официальных жизнеописаниях Отрепьева?

Свою первую версию русские власти адресовали польскому двору. В Польше они заявили буквально следующее: «Юшка Отрепьев, як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь, и воровал, крал, играл в зерню и бражничал и бегал от отца многожды и, заворовався, постригсе у чернцы». Авторем назидательной новеллы о беспутном дворянском сынке был, по-видимому, Смирной-Отрепьев, вернувшийся из Польши после неудачной попытки свидеться с племянником.

Царские дипломаты толковали про Отрепьева не только в Кракове, но и в Вене, столице австрийских Габсбургов. Царь Борис направил императору личное послание. Оригинал его, до сих пор не опубликованный, хранится в Венском архиве. Нам удалось познакомиться с ним.

Вот что писал Борис по поводу беглого монаха: Юшка Отрепьев «был в холопех у дворянина нашего, у Михаила Романова, и, будучи у него, у чал воровать, и Ми-хайло за его воровство велел его збити з двора, и тот страдник учал пуще прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от той смертной казни сбежал, постригся в дальних монастырях, а называли его в чернецах Григорием».

В далекой Вене московские дипломаты проявили большую откровенность, чем в Кракове. Там они впервые назвали покровителя самозванца. Правда, связав воедино имена Отрепьева и Романова, дипломаты тут же попытались рассеять подозрение, будто авантюриста выдвинула влиятельная боярская партия. От поляков вообще утаили, что Отрепьев служил Романовым. Австрийцев постарались убедить, будто Романовы не были пособниками интриги, а сами прогнали от себя самозванца.

Сравнение двух официальных версий пострижения Гришки наводит на мысль о том, что царская канцелярия фальсифицировала этот эпизод из его биографии. Цель подобной фальсификации предельно ясна. Московские власти старались изобразить Отрепьева преступником уголовным, а не политическим и тем самым доказать, что за его спиной не стояло никакой влиятельной оппозиции.

Разъяснения за рубежом были сделаны в то время, когда в самой России имя самозванца находилось под запретом. Все толки о чудесно спасшемся царевице беспощадно пресекались. Но наконец Лжедмитрий вторгся в страну, и молчать стало невозможно. Враг оказался значительно опаснее, чем думали в Москве, и, хотя он терпел поражение в открытом бою, никакая сила не могла изгнать его за пределы государства.

Попытки представить Отрепьева юным негодяем, которого пьянство и воровство довели до монастыря, больше никого не могли убедить. Ложь дипломатов рушилась сама собой. Тогда-то за обличение еретика взялась церковь. Патриарх объявил народу, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, от смертной казни постригся в чернцы и был по многим монастырям», служил на патриаршем дворе, а потом сбежал в Литву. Чтобы уяснить себе, как современники восприняли откровения патриарха, надо знать, что в старину воровством называли чаще всего неповиновение властям, измену и прочие политические преступления. Дипломатические документы называли в качестве причин пострижения Гришки пьянство и воровство. Из патриаршей же грамоты следовало, что он постригся из-за преступлений, совершенных на службе у Романовых.

Забегая вперед, надо сказать, что после гибели Годуновых и смерти Лжедмитрия I царь Василий Шуйский, вождь заговора против самозванца, нарядил новое следствие по делу Отрепьева. Он огласил историю Гришки с большими подробностями, чем Бо в частности, Шуйский сообщил полякам, что Юшка Отрепьев «был в холопех у бояр Микитиных, детей Романовича, и у князя Бориса Черкасова, и заворовался, постригся в чернцы».

Из новых официальных заявлений стало ясно, что Отрепьев был связан по крайней мере с двумя знатнейшими боярскими фамилиями—с Романовыми и Черкасскими.

Мера откровенности объяснялась прямым политическим расчетом. Придя к власти, Шуйский пытался привлечь уцелевших Романовых на свою сторону.

Он назначил постриженного Федора Романова патриархом, а его брата Ивана — боярином. Хитроумный ход, однако, не дал желаемых результатов. При первой же возможности Романовы примкнули к заговору против Шуйского. Новый царь не имел более причин щадить своих соперников. Он полностью отказался от старой выдумки насчет изгнания Отрепьева с романовского подворья и обнародовал дополнительные факты из его ранней биографии.

Версия Шуйского отличалась большей достоверностью, нежели годинская, поскольку с гибелью Бориса вопрос о причастности боярской оппозиции к самозванческой интриге утратил прежнюю остроту. Кроме того, Шуйский адресовался к польскому двору, прекрасно осведомленному насчет прошлого собственного ставленника. Непрочно сидевшему на троне царю пришлось держаться ближе к фактам: любые измышления по поводу Отрепьева могли быть опровергнуты польской стороной.

Службу Отрепьева у бояр романовского круга, по-видимому, можно считать подлинным историческим фактом. Какую роль сыграл данный эпизод в биографии авантюриста? Современники обошли этот вопрос молчанием. И только один летописец, живший в царствование первых Романовых, пренебрег осторожностью и приоткрыл краешек завесы. Им был автор «Сказания о расстриге». «Гришка Отрепьев,— повествует он,— утаився страха ради царя Бориса, иже гонение воздвиге на великих бояр... Федора Никитича Романова и с братьею... в заточение посылает, та ко же и князь Бориса

Келбулатовича... тако же в заточение посла. Сей же Гришка Отрепьев ко князю Борису Келбулатовичу в его благодатный дом часто приходил и от князя Бориса Келбулатовича честь приобрел, и тоя ради вины на него царь Борис негодовал той же лукав сый, вскоре избежав от царя, утаився во един монастырь и пострижеся». Автор «Сказания» предан Романовым, он усердствует, стараясь смягчить крайне неприятные для новой династии факты. Он как бы хочет сказать: полно, Отрепьев вовсе не служил ни Михаилу Романову, ни Борису Черкасскому, он только захаживал в дом Черкасских.

Летописец прекрасно разбирался в семейных делах Черкасских. Он знал, что их осудили заодно с Романовым, что за князем Борисом в ссылку последовали его жена и сын Иван. Тем более интересно его замечание о том, что Отрепьев был у Черкасского в чести. Значит, Юрий Богданович не затерялся среди многочисленной боярской дворни, а, напротив того, смог выдвинуться на княжеской службе.

Долгое время свидетельству «Сказания о расстриге» не придавали большого значения. Источник не воспринимали всерьез из-за обилия в нем недостоверных деталей. Но вот характерный штрих. Все вымыслы «Сказания» относятся исключительно к литовскому периоду жизни Отрепьева. О московских похождениях Гришки автор «Сказания» знал несравненно больше. Уникальные подробности, почерпнутые из этого сложного источника, разумеется, можно использовать лишь после всесторонней проверки.

Попробуем проделать необходимую работу.

Московский период жизни Отрепьева беден событиями. После службы на боярских дворах он некоторое время монашествовал, а потом исчез в Литве.

Смзый загадочный эпизод в биографии Отрепьева — его блуждания по провинциальным монастырям. Современники знали о них понаслышке и неизменно противоречили друг другу, едва начинали перечислять места, в которых останавливался чернец. Один из летописцев отметил, что Гришка прожил три года в монастырьке под Галичем, а потом два года «пребывшие и безмолствоваше» в Чудове. Осведомленность этого летописца не слишком

велика. Железноборский галичский монастырь Иоанна Предтечи он почему-то именует обителью живоначальной Троицы Костромского уезда. Совсем фантастичен его рассказ о посещении Отрепьевым царицы Марии Нагой в монастыре на Выксе.

Автор «Иного сказания» описывал хождения Отрепьева по монастырям совсем иначе. По его словам, Гришка начал с жительства в Спасо-Евфимиеве монастыре в Суздале, позже перебрался в Чудов монастырь и лишь под конец — в Предтеченскую обитель на Железном Борку.

Составленное при Романовых «Иное сказание» преподносило читателям романтическую легенду о том, как 14-летний Юшка стал монахом под

влиянием душеспасительной беседы с вятским игуменом, которого он случайно встретил в Москве. Слишком наивна эта сказка, чтобы поверить в нее. На самом деле не душеспасительная беседа, а служба у опальных бояр привела Юшку в монастырь. Но при Романовых опасно было вспоминать о связи родоначальника династии со зловерным еретиком.

В поисках истины попробуем опереться на материалы раннего происхождения.

При Шуйских власти установили, что Гришка определенно побывал в двух провинциальных монастырях — в Суздале и Галиче, а потом «был он в Чудове монастыре в дияконех 3 год». Эта деталь биографии Отрепьева заслуживает особого внимания. Царская канцелярия расследовала чудовский период жизни Отрепьева своевременно, по свежим следам. Чудовскому архимандриту пришлось дать объяснения, почему он раскрыл перед Гришкой двери обители.

Жизнеописание Отрепьева, составленное при Шуйском, не сообщает, сколько времени провел чернец в провинциальных монастырях. Но тут на помощь историкам приходит один из самых осведомленных современников Гришки, князь Шаховской. В своих записках он категорически утверждает, что до водворения в столичном монастыре Григорий носил монашескую рясу очень недолго: «По м-але же времени пострижения своего изыде топ чернец во царствующий град Москву и тамо доиде пречистые обители архистратига Михаила».

Если верно то, что пишет Шаховской, значит, Отрепьев не жительствова в провинциальных монастырях, а бегал по ним. Поздние писатели забыли об этом и невольно преувеличили сроки его монашеской жизни.

Произведем теперь несложный арифметический подсчет. Чудовский монах отправился за рубеж в феврале 1602 года, а до того провел в Чудове монастыре примерно год. Следовательно, он объявился в кремлевской обители в самом начале 1601 года. Если верно, что Юшка надел куколь незадолго до этого, значит, он постригся в 1600 году. Цепь доказательств замкнулась. В самом деле, Борис разгромил бояр Романовых и Черкасских как раз в 1600 году. Не подтверждает ли это версию, согласно которой пострижение Отрепьева было непосредственно связано с крушением романовского круга? И вот еще одно загадочное совпадение: именно в 1600 году по всей России распространилась молва о чудесном спасении царевича Дмитрия, которая, вероятно, и подсказала Отрепьеву его роль.

По-видимому, семья Отрепьевых имела давние связи с Угличем, резиденцией погибшего царевича. Предки Григория выехали на Русь из Литвы. Одни из них осели в Галиче, а другие — в Угличе. В 1577 году неслужилый «новик» Смирной-Отрепьев и его младший брат Богдан получили поместье в Коломне. В то время Богдану едва исполнилось 15 лет.

Несколько лет спустя у него появился сын, названный Юрием. Примерно в то же время у царя Ивана родился сын Дмитрий. Совершеннолетия Юшка достиг в самые последние годы царствования Федора.

Богдан Отрепьев дослужился до чина стрелецкого сотника и рано погиб. Наверное, Богдан обладал таким же буйным характером, как и его сын. Жизнь сотника оборвалась в Немецкой слободе в Москве. Там, где иноземцы свободно торговали вином, нередко случались пьяные драки. В одной из них Богдана зарезал некий литвин.

Юшка остался после отца своего «млад зело», и воспитывала его мать. Благодаря ее стараниям мальчик научился читать Священное писание.

Когда возможности домашнего, образования оказались исчерпанными, дворянского недоросля послали на учение в Москву. Там жил зять Отрепьевой, Семейка Ефимьев, которому суждено было сыграть в жизни Юшки особую роль.

Уже после пострижения Гришка стал переписчиком книг на патриаршем дворе. Без каллиграфического почерка он никогда бы не получил это место. Не в доме ли дьяка Ефимьева он научился писать? В московских приказах ценили каллиграфическое письмо, и приказные дельцы вроде Ефимьева обладали хорошим почерком.

Ранние жизнеописания изображали юного Отрепьева беспутным негодяем. При Шуйском такие отзывы были забыты. Во времена Романовых писатели не скрывали удивления по поводу способностей необыкновенного юноши, но притом высказывали благочестивое подозрение, не общался ли он с нечистой силой. Учение давалось Отрепьеву с поразительной легкостью, и в непродолжительное время он стал оело грамоте горазд».

Бедность и сиротство отнимали у способного ученика надежду на выдающуюся карьеру. В конце концов Юрий поступил на службу к Михаилу Романову. Многие считали Романовых наследниками короны. Служба при их дворе, казалось бы, сулила блестящее будущее. К тому же родовое гнездо Отрепьевых располагалось на Монзе, притоке Костромы, и там же находилась знаменитая костромская вотчина Романовых — село Домнино. Соседство по имени, видно, тоже сыграло роль в том, что провинциальный дворянин отправился на московское подворье бояр Романовых.

«Наказы» Шуйского называют Юрия Отрепьева боярским холопом. Этот полемический выпад нельзя принимать всерьез. Юшка служил Михаилу Романову скорее всего добровольно, иначе как мог он перейти на службу к Черкасскому?

На государственной службе Отрепьевы подвизались в роли стрелецких командиров. В боярских свитах дворяне их ранга занимали должности дворецких и конюших. Юшка «принял честь» от Черкасского, значит, его карьера началась вполне успешно.

Опала, постигшая романовский кружок в ноябре 1600 года, едва не погубила Отрепьева. Под стенами романовского подворья произошло форменное сражение. Вооруженная свита оказала отчаянное сопротивление царским стрельцам. Царь Иван в таких случаях подвергал боярскую дворню поголовному истреблению. Но Борис не хотел следовать его примеру. Он ограничился тем, что подверг пытке «ближних» слуг (многие на пытках «помираху») и запретил всем принимать к себе на службу людей из распущенных боярских свит. Зато «большие господа» и их ближайшие советники подверглись самым жестоким карам. Окольничий Михаил Романов и боярин Борис Черкасский погибли в ссылке.

Юшке Отрепьеву, видно, угрожала нелегкая участь. Патриарх говорил,

что он спасся в монастыре «от смертные казни». Борис выражался еще определеннее: боярского слугу ждала виселица!

Не благочестивая беседа, а страх перед виселицей привел Отрепьева в монастырь. 20-летнему дворянину, полному надежд, сил и энергии, пришлось покинуть свет, забыть мирское имя. Отныне он стал смиренным чернецом Григорием.

Во время своих скитании новоиспеченный монах определенно побывал в галичском Железноборском мона-стырьке (по некоторым сведениям, он там и постригся) и в суздальском Спасо-Евфимиеве монастыре. Если мы взглянем на карту, то убедимся, что оба названных пункта лежат в одном и том же направлении — к северо-востоку от Москвы. Естественно предположить, что слуга опальных бояр искал спасения в родных краях.

По преданию, в Спасо-Евфимиеве монастыре Гришку отдали «под начало» духовному старцу. Жизнь «под началом» оказалась стеснительной, и чернец покинул Спасскую обитель. В суздальском монастыре Отрепьев задержался, по-видимому, все-таки дольше, чем в других попутных обителях. Переход от жизни в боярских теремах к прозябанию в монашеских кельях был слишком резким. Чернец поневоле тяготился монашеским одеянием. Столица притягивала его своими соблазнами. Очень скоро Отрепьев покинул провинциальную глушь.

Как же осмелился он вновь появиться в Москве? Во-первых, царь отправил Романовых в ссылку и прекратил розыск. Оставшиеся в живых опальные очень скоро заслужили прощение. Во-вторых, по словам современников, монашество на Руси нередко спасало преступников от наказания.

Как мог опальный инок попасть в Чудов, самый аристократический, кремлевский, монастырь? Дьяки Шуйского удовлетворительно ответили на этот вопрос: нашлось много свидетелей водворения провинциала в Кремле. Выяснилось, что Григорий воспользовался протекцией: «бил челом об нем в Чюдове монастыре архима-риту Пафнотью (что ныне Крутицкой митрополит, добавили от себя дьяки) богородитцкой протопоп Еуфимий, чтоб его велел взята в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятии; и архимарит Пафнотий, для бедности и сиротства взяв его в Чюдов монастырь, дал под начало».

Отрепьев недолго прожил под надзором деда. Архимандрит вскоре отличил его и перевел в свою келью. Там чернец, по его собственным словам, занялся литературным трудом. «Живучи-де в Чудове монастыре у архима-рига Пафнотия в келий,— рассказывал он знакомым монахам,— да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе». Старания Отрепьева были оценены, и с этого момента начался его стремительный, почти сказочный взлет.

Григорий был очень молод и провел в монастыре без году неделю. Несмотря на это, Пафнутий произвел его в дьяконы. Роль келейника влиятельного чудовского архимандрита могла удовлетворить любого, но не Отрепьева. Покинув архимандричью келью, чернец переселился на патриарший двор. Придет время, и патриарх будет оправдываться тем, что он приглашал к себе Гришку лишь «для книжного письма». На самом же деле Отрепьев не только переписывал книги на патриаршем дворе, но и сочинил каноны святым. Патриарх говорил, что чернеца Григория знают и епископы, и игумены, и весь священный собор. Вероятно, так оно и было. На собор и в думу патриарх являлся с целым штатом помощников. В числе их оказался и

Отрепьев. Своим приятелям чернец говорит так: «Патриарх-де, видя мое досужество, и учил на царскую думу вверх с собою меня имати, и в славу-дс (я) в шел великую». Заявление Отрепьева насчет его великой славы нельзя считать простым хвастовством.

Потерпев катастрофу на службе у Романовых, Отрепьев поразительно быстро приспособился к новым условиям жизни. Случайно попав в монашескую среду, он заметно выделялся в ней. Юному честолюбцу помогли выдвинуться не подвиги аскетизма, а необыкновенная восприимчивость натуры. В течение месяцев Григорий усваивал то, на что другие тратили жизнь. Церковники сразу оценили живой ум и литературные способности Отрепьева. Но было в этом юноше и еще что-то, что притягивало к нему и подчиняло других людей. Служка у деда Замятии, келейник чудовского архимандрита и, наконец, придворный патриарха! Надо было обладать незаурядными качествами, чтобы сделать такую выдающуюся карьеру в течение всего одного года. Однако Отрепьев очень спешил, должно быть чувствуя, что ему суждено прожить совсем недолгую жизнь...

При царе Борисе Посольский приказ пустил в ход версию, будто Отрепьев бежал от патриарха после того, как прослыл еретиком. Юшка отверг родительский авторитет, восстал против самого бога, впал в «чернокнижье, и призыване духов нечистых и отъреченья от бога у неговыняли». В наказание патриарх со всем вселенским собором «по правилам святых отцов и по соборному уложению приговорили сослати (Отрепьева)... на Белое озеро в заточенье на смерть».

Московские власти адресовали подобные заявления польскому двору. Они старались доказать, что Отрепьев был осужден судом. Это давало им повод требовать от поляков выдачи беглого преступника.

При Шуйском Посольский приказ весь эпизод осуждения Отрепьева уместил в одну-единственную строку: чернец Григорий впал «в еретичество», и его «с собору хотели (!) сослатъ в заточенье на смерть».

Тут не было и речи о соборном уложении, осудившем Отрепьева.

Версия, рассчитанная на границу, не совпала с версией, предназначенной для внутреннего пользования.

После гибели Лжедмитрия дьяки Шуйского составили подборку документов с краткой справкой о личности самозванца. В справке служебного назначения говорилось, что в 1602 году из Чудова монастыря убежал в Литву

«диакон черной Григорий Отрепьев, и в Киеве и в пределах его... в чернокнижество обратиться, и ангельский образ сверже и обруга, и по действу вражю отступив зело от бога». Оказывается, Отрепьев впал в ересь уже после побега за рубеж! Значит, до побега у патриарха попросту не было основания для того, чтобы приговорить Отрепьева к смерти.

Когда московские епископы писали в Польшу, будто они обличили чернеца Григория «перед собой» и осудили на смерть, они грешили против истины. На самом деле они проклинали Отрепьева лишь после того, как в Литве объявился Лжедмитрий.

Розыск о похождениях Григория Отрепьева в пределах России не потребовал от московских властей больших усилий. Зато расследование его деятельности за рубежом сразу натолкнулось на непреодолимые трудности. В конце концов гоудуновская полиция смогла заполучить двух бродячих монахов, которые «проводжали» Гришку за кордон и «знались» с ним в Литве. Но бродяги, неизвестным путем попавшие в руки властей, не внушали доверия никому, включая правительство. Власти, не церемонясь, звали их

«ворами». Авторитетные свидетели объявились в Москве только два года спустя. Бориса уже не было в живых. В столице произошел переворот, покончивший с властью и жизнью Лжедмитрия I. Главарь заговорщиков Василий Шуйский нуждался в материалах, неопровержимо доказывавших самозванство свергнутого им «царя Дмитрия». В такой момент в Москву как нельзя более кстати прибыл чернец Варлаам, обратившийся к правительству со знаменитым «Изветом», доносом на убитого Г. Отрепьева.

Сочинение Варлаама считали ловкой подделкой, предпринятой в угоду власти предрешающим. Даже такой глубокий и осторожный в своих выводах исследователь, как С. Ф. Платонов, называл «Извет» скорее любопытной сказкой, чем показанием достоверного свидетеля. Но отношение к «Извету» со временем стало меняться. Обнаружилось, что летописный текст «Извета» отличается от вновь открытых архивных. В этих последних отсутствовали цитаты из грамот Лжедмитрия I, украшавшие летописный список и вызывавшие наибольшее недоверие. Последние подозрения насчет возможности поздней подделки рассеялись сами собой, когда в подлинных описях царского архива начала XVII века нашли прямые указания на следственное дело старца Варлаама Яц-кого.

Отрепьев бежал за кордон не один, а в сопровождении двух монахов — Варлаама и Мисаила. Имя сообщника Отрепьева, свора» Варлаама, было всем известно из Борисовых манифестов. Варлаам вернулся в Россию через несколько месяцев после воцарения Лжедмитрия I. Воеводы самозваного царя на всякий случай задержали «вора» на границе и в Москву не пустили.

Со смертью Лжедмитрия I ситуация переменялась. Московское духовенство заочно осудило не только Отрепьева, но и его сообщника.

Взятый к допросу Варлаам имел все основания ожидать, что его заточат в тюрьму. Мало надеясь на благополучный исход дела, беглый монах закончил свою челобитную удивительной просьбой. «Милосердный царь-государь и великий князь Василий Иванович всея Русин,— писал он,— пожалуй меня, богомольца своего, вели отпустить на Соловки к Зосиме и Саватею».

Монастырь на пустынных островах Студеного моря давно превратился в место ссылки особо опасных государственных преступников. Почему же Варлаам просился на Соловки? Очевидно, убийство самозванца так напугало его, что ссылку на Север он считал лучшим для себя исходом.

Бросается в глаза одна интересная особенность сочинения Варлаама.

Если бы беглый монах продал свое перо новым властям и написал подложный «Извет» под их диктовку, он употребил бы красноречие на обличение самозванца в первую очередь. Однако в «Извете:—» Варлаам не столько бранил Отрепьева, сколько оправдывал себя. Безыскусность его рассказа поразительна. Страх наказания за пособничество Отрепьеву удивительно контрастирует с наивным стремлением выставить себя противником расстриги.

Варлаам выказывает исключительную осведомленность о первых шагах самозванца в Литве. Никому из русских авторов, кроме Варлаама, не известен тот факт, что в Самборс самозванец велел казнить московского дворянина, пытавшегося изобличить его как Гришку Отрепьева. Эпизод этот засвидетельствован документом, не внушающим сомнения,— письмом Юрия Мнишека из Самбо-ра, написанным тотчас после казни годуновского агента. В то самое время как по милости «царевича» лишился головы первый москвит, Варлаам угодил в самборскую тюрьму. На этом факте автор челобитной пытается построить всю свою защиту. Он называет казненного дворянина «товарищем» и просит московские власти допросить Юрия Мнишека,

чтобы удостовериться в истинности его слов. Во время допросов Варлаама Юрий Мнишек и вдова Лжедмитрия в самом деле находились под следствием в Москве и допросить их было можно.

Историки выражали крайнее удивление по поводу того, что Варлаам помнил точную дату выступления самозванца из Самбора в московский поход — «августа в пятый на десять день». На этом основании автора «Извета» подозревали в мистификации и в том, что он составил «Извет» по поздним документам. Точность Варлаама в данном случае легко объяснима. Старец не мог забыть день, когда самозванец выступил из Самбора, так как именно в этот день за ним захлопнулись двери самборской тюрьмы.

Варлаам рассказывает о том, что вышел из тюрьмы после пятимесячного заключения благодаря милости Марины Мнишек. Как видно, он не имел ни малейшего представления о подлинных причинах своего освобождения. Причины же эти были достаточно просты. В течение четырех месяцев Лжедмитрию сопутствовал успех. Но затем его армия подверглась разгрому и сам он едва избежал плена. Юрий Мнишек заблаговременно покинул его лагерь. Авантюре, казалось, пришел конец. В такой ситуации вопрос о безопасности самозванца перестал волновать владельцев Самбора, и они «выкинули» Варлаама из самборской тюрьмы.

Старец Варлаам оказался сущим кладом для московских судей, расследовавших жизнь и приключения Гришки Отрепьева. Стремясь снять с себя подозрения в пособничестве Отрепьеву, Варлаам одновременно старался возможно более точно изложить факты, касавшиеся «исхода» трех бродячих монахов в Литву. Его сочинение пестрит точными датами. Но можем ли мы доверять им? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что Варлаам описал события, от которых его отделяло от двух до пяти лет. Очевидно, времени прошло не слишком много. К тому же старый монах прекрасно ориентировался в церковных праздниках. Он не забыл, что Москву покинул в великий пост на. другой неделе», что в Новгород-Се-верском служил «на Благовещеньев день», перешел рубеж «на третьей недели после велика дни» и т. д.

Варлаам старательно умалчивал о том, что предшествовало «исходу» в Литву, и представлял дело так, будто познакомился с Отрепьевым случайно, за день до отъезда из Москвы. Однажды, повествует Варлаам, он шел по Варварке (это была самая многолюдная торговая улица, проходившая мимо нынешней гостиницы «Россия»), вдруг его догнал молодой чернец, назвавшийся Григорием Отрепьевым. Григорий предложил ему ехать в Чернигов и дальше, ко гробу господню. Варлаам согласился, и на другой день чернецы выехали из столицы.

Исследователи недоумевали, как мог Варлаам из-за случайной встречи с незнакомым человеком без промедления пуститься в трудный и далекий путь.

Самое сомнительное в рассказе Варлаама, конечно, то, что он, по его словам, не был прежде знаком с Отрепьевым. Что же касается внезапности отъезда, то тут как раз нет ничего удивительного. Дело происходило в последние зимние дни 1602 года, когда в Москве царил голод. Хотя Варлаам и утверждал, будто принял предложение Отрепьева «для душевного спасения», на самом деле монахов торопили в путь не души, а бранные тела. Раньше Варлаама к Отрепьеву присоединился Мисаил, его приятель по Чудову монастырю.

Отъезжавших монахов никто в городе не преследовал. В первый день они спокойно беседовали на центральной посадской улице, на другой день

встретились в Иконном ряду, прошли за Москву-реку и там наняли подводу до Волхова. Никто не тревожил бродячих монахов и в порубежных городах. Отрепьев открыто служил службу в церкви. В течение трех недель друзья собирали деньги на строительство захолустного монастыря. Все собранное серебро иноки присвоили себе.

Легендарное «Сказание об Отрепьеве» живо описывает сцену в корчме, которая получила широкую известность благодаря трагедии А. С. Пушкина. Трое беглецов остановились в деревне на самой границе, но тут неожиданно узнали, что на дороге выставлены заставы. Отрепьев стал «от страху яко мертв» и молвил попутчикам: «Нас ради застава сия, аз же утешвоя Иова патриарха и с вами бегу ся ять».

Весь этот рассказ вымышлен. Отъезд Отрепьева и его друзей из Москвы попросту никем не был замечен. Власти не имели причин принимать экстренные меры для их поимки. Беглецы миновали рубеж без всяких приключений. Сначала монахи, как о том повествует Варлаам, провели три недели в Печерском монастыре в Киеве, а потом перешли во владения князя Константина Острожского, в Острог.

Показания Варлаама относительно пребывания беглецов в Остроге летом 1602 года подтверждаются неоспоримыми доказательствами. В свое время А. Добротворский обнаружил в книгохранилище Загоровского монастыря на Волини книгу, отпечатанную в Остроге в 1594 году, с надписью: «Лета от сотворения миру 7110-го (1602 год,— Р. С), месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам Григорию з иратею, с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный во светом крещении Василеп. божиею мило-стию пресветлое княже Острожское, воевода Киевский». Как видно, Отрепьев, проводя лето в остроге, успел снискать расположение магната и получил от него щедрый подарок.

Покинув Острог, трое монахов благополучно водворились в Дерманском монастыре, принадлежавшем Острож-скому. Но Отрепьев не для того покинул патриарший дворец и кремлевский Чудов монастырь, чтобы похоронить себя в захолустном литовском монастыре. По свидетельству Варлаама, Григорий скрылся из владений Острожского, сбросил монашеское одеяние и, наконец, объявил себя царевичем. Неизвестная рука сделала в книге Василия Великого дополнение к дарственной надписи. Над словом «Григорию» кто-то вывел слова «царе-вичю московскому». Автором новой подписи мог быть либо один из трех владельцев книги, либо кто-то из их единомышленников, уверовавших в «царевича».

Поправка к дарственной надписи замечательна не сама по себе, а всего лишь как подтверждение показаний Варлаама.

Для проверки «Изнета» Варлаама П. Пирлинг впервые привлек один любопытный источник — исповедь самозванца. Когда Адам Вишневецкий известил короля о появлении московского «царевича», тот затребовал подробные объяснения. И князь Адам записал рассказ самозванца о его чудесном спасении.

«Интервью» претендента, кстати до сих пор не переведенное с латыни на русский, производит самое странное впечатление. Самозванец довольно подробно повествует о тайнах московского двора, но тут же начинает неискусно фантазировать, едва переходит к изложению обстоятельств своего чудесного спасения. По словам «Дмитрия», его спас некий воспитатель, который, узнав о планах жестокого убийства, подменил царевича мальчиком того же возраста. Несчастный мальчик и был зарезан в постельке царевича. Мать-царица, прибежав в спальню и глядя на убитого, лицо которого стало

свинцово-серым, не распознала подлога.

В момент, когда решалась его судьба, самозванцу надо было выложить все аргументы, но «Дмитрий» не сумел привести ни одного серьезного доказательства своего царственного происхождения.

«Царевича избегал называть точные факты и имена, которые могли быть опровергнуты в результате проверки. Он признавал, что его чудесное спасение осталось тайной для всех, включая мать, томившуюся тогда в монастыре в России.

Знакомство с рассказом «Дмитрия» обнаруживает тот поразительный факт, что он явился в Литву, не имея хорошо обдуманной и достаточно правдоподобной легенды. Исповедь «царевича» кажется неловкой импровизацией и невольно обличает его самозванство. Но, конечно же, не все здесь было ложью.

Новоявленный «царевича в Литве жил у всех на виду, и любое его слово легко было тут же проверить. Если бы «Дмитрий» попытался скрыть известные всем факты, он прослыл бы явным обманщиком. Так, все знали, что москвит явился в Литву в рясе. О своем пострижении «царевич» рассказал следующее. Перед смертью воспитатель вверил спасенного им мальчика попечению некоей дворянской семьи. «Верный друг» держал воспитанника в своем доме, но перед кончиной посоветовал ему, чтобы избежать опасности, войти в обитель и вести жизнь монашескую. Юноша так и сделал. Он обошел многие монастыри Московии, и наконец один монах опознал в нем царевича. Тогда «Дмитрий» решил бежать в Польшу...

История самозванца напоминает как две капли воды историю Григория Отрепьева в московский период его жизни. Вспомним, что Гришка воспитывался в дворянской семье и обошел Московию в монашеском платье.

Описывая свои литовские скитания, «царевич» упомянул о пребывании у Острожского, переходе к Габриэлю Хойскому в Гощу, а потом в Брачин, к Вишневецкому. Там, в имении Вишневецкого, в 1603 году и был записан его рассказ. Замечательно, что спутник Отрепьева Вар-лаам называет те же самые места и даты; в 1603 году Гришка «очутился» в Брачине, у Вишневецкого, а до того был в Остроге и Гоще. П. Пирлинг, впервые обнаруживший это знаменательное совпадение, увидел в нем бесспорное доказательство тождества личности Отрепьева и Лжедмитрия 1.

В самом деле, поскольку в рассказах самозванца п Варлаама одинаково переданы обстоятельства места и времени, возможность случайного совпадения исключается. Важно и то, что возможность сговора между ними тоже исключается. Варлаам не мог знать секретный доклад Вишневецкого королю, а самозванец не мог предвидеть того, что напишет Варлаам после его смерти.

Помимо исповеди «Дмитрия», важный материал для суждения о личности самозванца дают его автографы. Двое ученых, И. А. Бодуэн де Куртенэ и С. Л. Пташицкий, подвергли палеографическому анализу письмо царевича к папе и установили парадоксальный факт. «Дмитрий» владел изысканным литературным слогом, но при этом допускал грубейшие ошибки. Вывод напрашивается сам собой: самозванец лишь переписал письмо, сочиненное для него иезуитами. Графологический анализ письма показал, что Лжедмитрий был великороссом, плохо знавшим польский язык. По-русски же он писал свободно. Более того, его почерк отличался изяществом и имел характерные особенности, присущие школе письма московских приказных канцелярий.

Это еще одно совпадение, подтверждающее тождество Лжедмитрия и

Отрепьева. Мы помним, что почерк Отрепьева был весьма хорош, и потому сам патриарх взял его к себе для «книжного письма».

На Руси грамотность никого не удивляла, но каллиграфы попадались среди грамотеев чрезвычайно редко. С точки зрения удостоверения личности изящный почерк в те времена имел несравненно большее значение, чем, скажем, сейчас.

Будучи иноком поневоле, Отрепьев тяготился затворнической жизнью.

И в самозванце многое выдавало бывшего невольного монаха. Беседуя с иезуитами, «Дмитрий» не мог скрыть злость и раздражение, едва заходила речь о монахах.

Анализируя биографическую информацию об Отрепьеве и самозваном царевиче, мы замечаем, что она совпадает по многим важным пунктам. След реального Отрепьева теряется на пути от литовского кордона до Острога — Гощи — Брачина. И на том же самом пути в то же самое время обнаруживаются первые следы Лжедмитрия I. На названном строго очерченном отрезке пути и произошла метаморфоза — превращение бродячего монаха в царевича. Свидетелей этой метаморфозы было достаточно.

Варлаам наивно уверял, будто расстался с Гришкой до того, как последний назвался царевичем. Он сообщил, что Отрепьев учился в Гоще у протестантов и зимовал там у князя Януша Острожского. Князь Януш подтвердил все это собственноручным письмом. В 1604 году он писал, что знал «Дмитрия» несколько лет, что тот жил довольно долго в монастыре его отца, в Дермане, а потом пристал к секте анабаптистов. Письмо уличает Варлаама во лжи. Оказывается, и в Гоще, и еще раньше, в Дермане, князь Януш знал Отрепьева только под именем царевича Дмитрия.

По-видимому, Отрепьев уже в Киево-Печерском монастыре пытался выдать себя за царевичу Дмитрия. В книгах Разрядного приказа находим любопытную запись о том, как Отрепьев разболелся «до умертвил» и открылся печерскому игумену, сказав, что с^н царевич Дмитрий. «А ходит бутто в ыкусе, не пострижен, избега-ючи, укрываясь от царя Бориса...» Печерский игумен, по словам Варлаама, указал Отрепьеву и его спутникам на дверь. «Четырв-де вас пришло,— сказал он,1--- четверо и подите». Кажется, Отрепьев не раз пускал в ход один и тот же неловкий трюк. Он прикидывался больным не только в Печерском монастыре. По русским летописям, Григорий «разболелся» и в имении Вишневецкого. На исповеди он открыл священнику свое «царское происхождение». Впрочем, в докладе Вишневецкого королю никаких намеков на этот лшзод нет. Так или иначе попытки авантюриста найти поддержку у православного духовенства в Литве потерпели полную неудачу. В Киево-Печерском монастыре ему указали на дверь. В Остроге и Гоще было не лучше. Самозванец не любил вспоминать это время. На исповеди у Вишневецкого «царевич» сообщил кратко и неопределенно, будто бежал к Острожскому и Хойскому и «молча там находился».

Совсем по-другому излагали дело иезуиты. Они утверждали, что претендент обращался за помощью к Острожскому, но тот будто бы велел гайдукам вытолкать самозванца за ворота. Сбросив монашеское платье, «царевич» лишился верного куска хлеба и, по словам иезуитов, стал прислуживать на кухне у пана Хойского.

Никогда еще сын московского дворянина не опускался так низко.

Кухонная прислуга... Растерявший разом всех своих прежних покровителей,

Григорий, однако, не пал духом. Тяжелые удары судьбы могли сломить кого угодно, только не Отрепьева.

«Расстрига» очень скоро нашел новых покровителей, и весьма могущественных, в среде польских и литовских магнатов. Первым из них был Адам Вишневецкий. Он снабдил Отрепьева приличным платьем, велел возить его в карете в сопровождении своих гайдуков.

Авантюрой магната заинтересовались король и первые сановники государства, в их числе канцлер Лев Сапега. На службе у канцлера подвизался некий холоп Петрушка, московский беглец, по происхождению лифляндец, попавший в Москву в годовалом возрасте как пленник. Тайно потворствуя интриге, Сапега объявил, что его слуга, которого теперь стали величать Юрием Петровским, хорошо знал царевича Дмитрия по Угличу. При встрече с самозванцем Петрушка, однако, не нашелся, что сказать. Тогда Отрепьев, спасая дело, сам «узнал» бывшего слугу и с большой уверенностью стал расспрашивать его. Тут холоп также признал «царевича» по характерным приметам: бородавке около носа и неравной длине рук. Как видно, приметы Отрепьева сообщили холопу заранее те, кто подготовил инсценировку.

Сапега оказал самозванцу неоценимую услугу. Одновременно ему стал открыто покровительствовать Юрий Мнишек. Один из холопов Мнишека также «узнал» в Отрепьеве царевича Дмитрия.

Таковы были главные лица, подтвердившие в Литве царское происхождение Отрепьева. К ним присоединились московские изменники братья Хрипуновы. Эти дворяне бежали в Литву в первой половине 1603 года.

Варлаам очертил весь круг лиц, «вызнавших царевича» за рубежом. Он забыл упомянуть лишь о двух первых сподвижниках авантюриста — о себе и Мисаиле...

Едва ли могли убедить кого-нибудь наивные сказки претендента и речи собравшихся вокруг него свидетелей. Во всяком случае Вишневецкий и Мнишек не сомневались в том, что имеют дело с неловким обманщиком.

Поворот в карьере авантюриста наступил лишь после того, как за его спиной появилась некая реальная сила.

Отрепьев с самого начала обратил свои взоры в сторону запорожцев. Этот факт засвидетельствован многими. Ярославец Степан, державший иконную лавку в Киеве, показывал, что к нему заходили казаки и с ними Гришка, который был еще в монашеском платье. У черкас (казаков) днепровских в полку видел Отрепьева, но уже «розстрижена», старец Венедикт: Гришка ел с казаками мясо (очевидно, дело было в пост, что и вызвало осуждение старца) и «назывался царевичем Дмитрием».

Поездка в Запорожье связана была с таинственным исчезновением Отрепьева из Гошп. Перезимовав в Гоще, Отрепьев, как писал Варлаам, с наступлением весны «из Гощеи пропал безвестно». Замечательно, что расстрига общался как с гощинскими, так и с запорожскими протестантами. В Сечи его с честью принял старшина Герасим Евангелик.

Сечь бурлила. Буйная запорожская вольница точила сабли на московского царя. Вновь найденная Разрядная роспись 1602—1603 года свидетельствует о том, что в первой половине 1603 года Годунов послал дворян на границу, в Белую, «для приходу черкас». Местный бельский летописец подтверждает, что именно тогда в двух пограничных уездах поставлены были заставы «от литовского рубежу».

Сведения о нападении запорожцев совпадают по времени со сведениями

о появлении среди них самозваного царевича. Именно в Запорожье в 1603 году началось формирование той повстанческой армии, которая позже приняла участие в московском походе самозванца. Казаки энергично закупали оружие, вербовали охотников. Обеспокоенный размахом военных приготовлений в Сечи, король 12 декабря 1603 года особым указом запретил продажу оружия казакам. Но казаки не обратили внимания на грозный манифест.

К новоявленному «царевичу» явились гонцы с Дона. Донское войско готово было идти на Москву. Крепостническое государство пожинало плоды собственной политики притеснения вольного казачества. Самозванец послал на Дон свой штандарт — красное знамя с черным орлом. Его гонцы выработали затем «союзный договор-? с казачьим войском.

В то время как окраины глухо волновались, в сердце России появились многочисленные повстанческие отряды. Династия Годуновых оказалась на краю гибели. Отрепьев уловил чутьем, сколь огромные возможности открывает перед ним сложившаяся ситуация.

Казаки, беглые холопы, закрепощенные крестьяне связывали с именем царевича Дмитрия надежды на освобождение от ненавистного крепостнического режима, установленного в стране Годуновым. Отрепьеву представлялась возможность возглавить широкое народное выступление.

Некоторые историки высказывали предположение, будто за Дмитрия выдало себя безвестное лицо, казак. Будь так, что могло помешать ему найти путь в степи после неудачи в Киеве и Остроге?

Увы, гипотеза эта вовсе не подтверждается фактами. Подлинный Лжедмитрий-Отрепьев, будучи дворянином по происхождению и воспитанию, не доверял ни вольному «гулящему» казаку, ни пришедшему в его лагерь комарицкому мужику. Самозванец мог стать казацким предводителем, вождем народного движения. Но он предпочел сговор с врагами России